

Особенности современных организованных преступных групп

Глазкова Л. В.¹

Ключевые слова: банда, бандитизм, преступное сообщество, организованная группа, преступность, киберпреступность.

Аннотация.

Цель настоящей работы — анализ особенностей современных организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций), действующих в сфере компьютерной информации, и сетевых способов их формирования. Разработка предложений по дополнению действующего уголовного законодательства, регулирующего ответственность за создание и руководство организованными преступными группами и преступными сообществами (преступными организациями).

Метод исследования.

Системно-содержательный и системно-структурный анализ для выделения и обобщения главных характеристик организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций), создаваемых по различным принципам — иерархическому и сетевому.

Формально-юридический метод лег в основу предложений о внесении дополнений в понятие преступного сообщества (преступной организации), учитывающего не только иерархический, но и сетевой способ создания преступных групп.

Полученные результаты.

В работе подвергнуты анализу способы формирования современных организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций), как иерархические, так и сетевые. Впервые в науке уголовного права вносятся предложения об изменении понятия преступного сообщества с целью включения в него сетевого способа формирования, наряду с существующим иерархическим способом. Предлагается ряд конкретных мер по дополнению уголовного законодательства нормами об ответственности за создание и руководство организованными преступными группами и преступными сообществами (преступными организациями), имеющими цели совершения преступлений в сфере компьютерной информации. Разработаны предложения о введении в главу 28 УК РФ норм об ответственности за создание и руководство организованными преступными группами и преступными сообществами (преступными организациями), имеющими цели совершения преступлений в сфере компьютерной информации.

DOI: [10.21681/2226-0692-2019-1-54-60](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-1-54-60)

Статистические данные последних лет свидетельствуют о неуклонном снижении количества преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, совершенных организованными группами или преступными сообществами. За период с 2008 по 2015 гг. число таких преступлений сократилось в 4,5 раза. В 2016 г. сокращение продолжилось: организованными группами и преступными сообществами совершено на 11% меньше тяжких и особо тяжких преступлений. В 2017 году было зарегистрировано на 6,5% больше тяжких преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями). Их удельный вес в общем числе расследованных преступлений данной категории вырос незначительно — с 5% до 5,8%.

Исследователи вполне обоснованно отмечают, что «... статистика отражает вовсе не фактический уровень

организованной преступности в стране, а лишь результаты правоохранительной деятельности» [1, с. 35].

Трудности борьбы с организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) на современном этапе вызваны целым рядом причин, в числе которых, конечно, не последнее место занимает инерция правоохранителей, настроенных на противодействие традиционным организационным формам общеуголовной преступности. Эти формы, закрепленные в ст. 35 Уголовного кодекса РФ, представляются многим в виде раз и навсегда отлитых в праве «болванок», на которые нужно натягивать содержание конкретного противоправного деяния. При таком подходе форма мыслится только как нечто внешнее и поверхностное, а не как фактор, закрепляющий определенную ступень в развитии явления и позволяющий явлению накапливать изменения, приводящие к дальнейшему развитию и пре-

¹ Глазкова Лилия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: glazkova_lily@mail.ru

образованию. Эти общие философские идеи можно конкретизировать на примере развития такой формы организованной преступной группы, как банда.

В дореволюционной России вооруженные группы, совершавшие разбой, грабежи и убийства, объединявшие профессиональных преступников и различных деклассированных лиц, именовались «шайками».

Понятие шайки, которое было выработано учеными XIX — начала XX в., было воспринято советской наукой уголовного права и в дальнейшем наложилось на понятие «банда» [6, с. 190].

Термин «банда» применительно к таким группам стал использоваться в первые годы Советской власти, когда в Декрете СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. «О суде» появился термин «бандитизм». Вначале бандами считались любые криминальные группы, даже независимо от вооруженности их членов. В 20-е годы общеуголовные группы превратились в мощные объединения контрреволюционных элементов, угрожавших национальной безопасности страны. Это повлекло ужесточение законодательства и введение уголовной ответственности за бандитизм (Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, статья 76 УК).

Официальное определение понятия «бандитизм» впервые предлагается в Постановлении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 22 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении». Согласно данному документу, под «бандитизмом» понималось «участие в шайке, составившейся для убийства, разбоя и грабежей» [9, с. 101].

Впервые в отечественном праве уголовно наказуемыми стали действия по организации вооруженной группы и по участию в такой группе и совершаемых ею разбойных нападениях и других преступлениях. Подчеркивалось, что ответственность наступает независимо от того, сопровождалась ли эти нападения убийствами и применением насилия. Следовательно, обязательным признаком банды тогда считалась вооруженность группы для совершения разбойных нападений и налетов.

Такая трактовка понятия банды сохранялась в течение длительного времени. Изменения были вызваны объективными причинами: к началу 60-х годов бандитизм постепенно утратил ярко выраженный классовый политический характер, свойственный этому виду преступлений в первые годы Советской власти, и переродился в общеуголовное преступление с корыстной мотивацией. В ст. 77 УК РСФСР 1960 г. бандитизм определялся как организация вооруженных банд с целью нападения на предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и совершаемых ими нападениях.

Следующий этап в развитии бандитизма приходится на 90-е годы — период ломки устоявшихся общественных отношений, сопровождавшийся беспрецедентным ростом организованной преступности.

«В условиях изменения Российской Федерации, происходило развитие организованной преступности под воздействием целого ряда социальных, экономических и правовых факторов. Преступность росла, опережая темпы прироста населения, создавая устойчивый и

большой контингент профессиональных преступников, живущих за счет преступной деятельности» [10, с. 189].

С принятием в 1996 г. Уголовного кодекса РФ произошли изменения в норме об ответственности за бандитизм. В настоящее время (в ред. федеральных законов от 08.12.2003 № 162-ФЗ, от 27.12.2009 № 377-ФЗ) бандитизмом признается создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой) — ч. 1 ст. 209 УК РФ; участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях — ч. 2 ст. 209 УК РФ. Введен и квалифицированный состав — совершение бандитизма лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 209 УК РФ).

Таким образом, даже краткий исторический обзор демонстрирует вехи формирования понятия банды как организованной преступной группы, и зависимость правовой формы понятия от содержания конкретно-исторического явления групповой преступности — бандитизма. Исходя из понимания преступности как динамического (развивающегося) социального явления, мы можем сделать вывод о том, что бандитизм и впредь будет трансформироваться вслед за изменениями преступности в целом. Причем изменения будут касаться не только содержания, но и формы рассматриваемого явления, поскольку содержание и форма связаны неразрывными нитями, диалектически обуславливают друг друга.

Анализ современного состояния преступности позволяет выявить определенные тенденции в дальнейшем развитии организованных преступных групп, и, в частности, банд. Поскольку важнейшими признаками бандитизма являются вооруженность и специальная цель — совершение нападений на граждан или организации, остановимся именно на них.

В последние годы официальная статистика МВД РФ фиксирует снижение количества преступлений, совершенных с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств. В 2016 г. снижение составило почти 15%. Уменьшилось количество погибших (более чем на 24%), а также тех, кому был причинен вред здоровью (почти на 40%). Особенно значительное снижение зафиксировано на транспорте — более 72%.

В 2017 г. количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, незначительно увеличилось (на 3,3%), а количество погибших по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. возросло на 0,5%.

Это происходит на фоне снижения регистрируемых фактов бандитизма (в 2016 г. на 11%). О чем свидетельствуют эти данные? Вооруженная преступность отстает? Или она трансформируется?

Как известно, вооруженность как признак бандитизма сейчас понимается довольно узко как «наличие огнестрельного, холодного, газового или пневматического оружия (оборот которого запрещен или ограничен Федеральным законом от 13 ноября 2006 г. «Об оружии»), взрывных устройств, вооружений и боевой техники. Организованная группа, вооруженная иными

предметами (напр., плотницкими топорами или кухонными ножами), в качестве банды не рассматривается»².

Если традиционные банды 60-80-х годов часто вооружались старинно изготовленными пистолетами, обрезаны охотничьих ружей и различными видами холодного оружия, то с конца 90-х — начала 2000-х годов в арсенале банд появилось боевое огнестрельное оружие, взрывные устройства, пластиковая взрывчатка. По мере развития видов вооружений и появления новых, например, газовых, пневматических, сигнальных, электрошоковых устройств, банды стали применять и эти виды в процессе нападения. Показательно, что вначале высказывались предложения не признавать новые виды оружия, которое позволяло бы приравнять к бандам организованные группы, вооруженные такими устройствами.

Но постановление № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» установило, что в понятие «вооруженность» банды следует включать и газовое, и пневматическое оружие.

Еще дальше пошло постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», разъяснившее, что оружием нужно признавать и такие предметы, используемые в качестве оружия при разбойном нападении, как механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми и раздражающими веществами.

Представляется совершенно обоснованной практика Верховного Суда РФ, нацеленная на более широкое толкование вооруженности при бандитизме. Такой подход вызывается изменениями, происходящими в организованной насильственной преступности, использующей самые последние технические новинки из области вооружений.

Но трансформация современных банд, занимающихся новыми видами преступной деятельности — вымогательствами, рейдерскими захватами и т. п., приводит к тому, что физическое насилие с применением оружия в процессе нападения вытесняется другим, не менее опасным с точки зрения потерпевшего — насилем психическим. Например, в 2017 г. в Подмосковье был задержан с поддельным паспортом гражданина Киргизии Рафаэль Бикбаев по кличке Рафик, разыскиваемый правоохранителями Казахстана как главарь этнической преступной организованной группы. Как стало известно, Бикбаев занимался наркобизнесом, вымогательствами с применением насилия и рейдерством. Так, ему приписывается захват фабрики по переработке сырья, которую в 2014 г. построил предприниматель из Южной Кореи. Задержанные в конце июня 2017 г. девять участников преступной группы признались в совершении ряда преступлений, в том числе в том, что путем угроз и вымогательства принудили иностранца «добровольно» оформить фабрику на одного из членов преступной группы³.

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / отв. ред. А.И. Рарог. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. С. 452.

³ Богданов В. Главарь и его команда // Российская газета. 2017. № 212 (7378).

«Добровольная» передача столь ценного имущества, как фабрика, стала возможной благодаря психическому подавлению воли потерпевшего вымогателями, сформировавшими у потерпевшего уверенность в том, что в случае неподчинения значительный реальный ущерб будет причинен не только его имуществу, но и его здоровью.

В настоящее время стремительно растет количество различных технических новинок, которые с успехом могут заменять привычное огнестрельное или холодное, газовое или пневматическое оружие. Развиваются биологическое оружие, робототехника, лазерное оружие. При ныне существующем узком подходе к понятию оружия законодатель не будет поспевать за этим валом средств поражения и технических новинок, направленных на убийство и причинение тяжкого вреда здоровью.

Развитие организованной преступности в настоящее время находится на новом этапе, связанном с техническим прогрессом. Прежняя форма понятия «банда» не вмещает в себя новое содержание. Существующие организованные преступные группы для достижения своих целей пользуются как оружием самыми последними новинками науки и техники. В такой ситуации им ничего не стоит обходить закон, узко трактуя понятие «вооруженность» при бандитизме. Расширение понятия «вооруженность» при бандитизме — один из путей устранения лазеек для ухода от ответственности за создание банды и за участие в ней. В настоящее время назрела необходимость в разъяснении изложенной проблемы в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда РФ об ответственности за бандитизм [4, с. 117].

Другой конструктивный признак бандитизма — нападение на организации и граждан. По смыслу закона, нападения являются целью создания банды. Разъяснение термина содержится в Постановлении № 1 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», где сказано, что «Под нападением следует понимать действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения».

По мнению многих исследователей, такая трактовка необоснованно сужает понятие нападения. Еще В.С. Комиссаров предложил рассматривать нападение как создание обстановки опасного состояния, в пространственных и временных границах которого сохраняется угроза применения насилия к неопределенно широкому кругу лиц⁴.

Хотя данное определение было предложено уже более двух десятков лет назад, оно не утратило своей актуальности. Примером может служить банда из станции Куцевской, в которой на протяжении длительного отрезка времени господствовала «обстановка опасного состояния, в пространственных и временных границах которого» сохранялось состояние страха перед возможностью применения насилия, подавлялась воля неопре-

⁴ Комиссаров В.С. Понятие бандитизма в уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1994. № 4. С. 47.

деленно широкого круга лиц, что позволило членам банды подчинить своему влиянию даже правоохранительные органы и органы местного самоуправления.

Многие исследователи сходятся во мнении, что понятие «нападение» шире понятия «физическое насилие». Нападение возможно и с применением психического насилия⁵.

Нужно отметить, что в современном мире такой вид насилия виртуозно применяется при совершении киберпреступлений. В 2017 в России хакеры в целях нападения на граждан и организации использовали в качестве оружия вирусы-шифровальщики, способные останавливать операционную деятельность банков. По оценкам специалистов, доход хакеров от атак на банки уже перекрывает суммарный доход от остальных способов хищений. Международная компания Group-IB, специализирующаяся на предотвращении кибератак, зафиксировала нападения на 57 банков за короткий отрезок времени — 23 октября, 1 ноября и 15 ноября 2018 г.⁶

Хакерские группы, использующие разные способы кибератак, уже поделившие рынок интернетпространства, получили у экспертов звучные имена: MoneyTaker (атакуют, в основном, системы межбанковских переводов), Silence (предпочитают банкоматы и системы карточного процессинга), Cobalt (специализируется на «бесконтактной» атаке на банкоматы, когда не повреждаются корпуса банкоматов, не используются скиммеры или банковские карты).

Приходится сделать вывод, что киберпреступность породила ранее не известный вид банд — организованные преступные группы, вооруженные новым видом оружия — кибероружием, применяемым для нападений (кибератак) на граждан и организации. Насилие в подобных случаях необходимо понимать в широком смысле, а не только как прямое применение физического насилия либо угрозу его применения. В понятие насилия нужно включать и психическое, и виртуальное воздействие, направленное на создание обстановки опасного состояния, паники, вызывающей такой страх перед злоумышленниками, который подавляет волю неопределенного числа потерпевших и заставляет их выполнять требования преступников.

Представляется, что действующее законодательство пока не справляется с новыми угрозами, предъявленными обществу организованной преступностью. Если в 1922 г. ответственность за бандитизм наступала в случае организации и участия в бандах и организуемых бандами разбойных нападениях, налетах, разрушениях железнодорожных путей, остановках поездов, то сейчас создание хакерских банд (организованных преступных групп), вооруженных кибероружием, нападающих на граждан и финансово-кредитные системы целых государств, грабящих миллионы граждан и причиняющих колоссальный вред государствам, не сравнимый с ущербом от бандитизма 20-х годов, почему-то не наказыва-

ется в уголовном порядке. А наказание за совершение самого опасного (по действующему УК РФ) преступления в сфере компьютерной информации значительно мягче, чем наказание за бандитизм. Отсутствует в законодательстве и ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации), имеющей целью совершение преступлений в сфере компьютерной информации.

Приведем пример. В Екатеринбурге вынесен приговор Игорю Маковкину, создателю вредоносных компьютерных программ, в составе организованной группы похитившему со счетов банков 1,2 миллиарда рублей. Наказание — пять лет лишения свободы в колонии общего режима. Почти одновременно в Новосибирске 61-летняя Татьяна Гайнулова признана виновной по ч. 1 ст. 210 УК РФ — в создании преступного сообщества (преступной организации) экстрасенсов и лжеврачей, совершивших мошенничество в отношении граждан. Наказание — 15 лет лишения свободы и штраф в размере 450 тысяч рублей⁷.

В Главе 28 Уголовного кодекса РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» предусматривается повышенная ответственность в случае совершения данной категории преступлений в составе организованной группы. Но этого недостаточно. Организаторы и руководители групп хакеров должны нести ответственность за свои действия, сопоставимую с ответственностью создателей общеуголовных банд и преступных сообществ (преступных организаций). Это, конечно, только одна из мер борьбы с современными организованными группами, но очень важная и актуальная.

Другая проблема, вызванная трансформацией современных организованных преступных групп и их объединений, связана с господствующим в науке и практике мнением об иерархической структуре как характерном признаке преступного сообщества (преступной организации). Такое понимание обусловлено позицией законодателя, указавшего в определении данной формы соучастия на такой обязательный признак, как единое руководство структурированными организованными группами или объединениями организованных групп.

Между тем, еще В.В. Казаневская заметила, что «иерархическая структура — распространенный, но частный вид структуры»⁸. Анализ современного состояния преступности приводит к выводу о том, что в действительности иерархический принцип построения преступных групп не является единственным.

Суть иерархии — в вертикальном соподчинении подсистем и жестком характере отношений между ними. Как правило, следствием связей подчинения является уменьшение разнообразия (свободы) элементов, превращающее систему в гомогенную. Гомогенность, ограничивающая свободу элементов системы, вступает в противоречие с эволюционным вектором развития современного общества, выдвигающим на первое место связи сотрудничества, координации, а не подчинения.

⁵ Корецкий Д.А., Пособина Т.А. Современный бандитизм: Криминологическая характеристика и меры предупреждения. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 66.

⁶ См.: Маркелов Р. И грянул взлом // Российская газета. 2018. № 259 (7722).

⁷ Добрынина С. Расплата за вирусы // Российская газета. 2018. № 258 (7721). Граф Н. Сняли порчу. Там же.

⁸ Казаневская В.В. Философско-методологические основания системного подхода. Изд-во Томского ун-та. Томск. 1987. С. 93.

Социальные системы сегодняшнего дня, а в еще большей степени — дня завтрашнего, перестраиваются от иерархической формы организации к сетевой.

Важнейшей чертой сетевых взаимодействий является то, что они позволяют выявить и согласовать интересы участников, сформулировать стратегическую цель и определить конечный результат взаимодействия, исходя из имеющихся потенциальных возможностей участников сети [3, с. 184].

В настоящее время мы являемся свидетелями стихийной перестройки структур организованной преступности, осваивающей более современные способы сетевых взаимодействий, что уже отмечено исследователями-криминологами [2, с. 21].

В таких условиях задачей теории является разработка основных понятий и признаков новых сетевых форм организованной преступности, стихийно возникающих в криминальной реальности.

К концу XX в. глобальные изменения в экономике и политике повлекли трансформации в предпринимательских структурах, появление новых рынков и технологий и немедленное приспособление преступности к новым социальным условиям. Приобретая черты транснациональности, организованная преступность вышла за пределы одной страны, что повлекло усложнение структуры преступных формирований, увеличение числа их участников. Управление такими крупными преступными образованиями стало трансформироваться из единоначальных в коллективные управляющие структуры, способные преодолеть ограниченные возможности отдельного человека в решении сложных задач.

В условиях увеличения количества участников преступных сообществ и организованных групп немалая часть управленческих функций неминуемо передается на нижестоящие уровни, которые приобретают все большую свободу в выборе действий. Постепенная децентрализация приводит к «раскрепощению множества живых самоорганизующихся связей сетевого типа» [12]. Кроме того, в последнее время отмечается тенденция увеличения количества участников организованных групп, в которых руководитель наделяется исключительно организаторскими функциями [5, с. 27].

Как отмечал О.В. Рябцев, «Наиболее рельефно сегодня эта тенденция проявляется в деятельности организаций закрытого типа радикально-экстремистской направленности»⁹. Он же описал модель деятельности структур закрытого типа, основанную на учете таких факторов, как наличие общей идеологии, объединяющей сегменты сетевых объединений, устойчивые системы коммуникации между ними, преобладание неформальных отношений и максимальной децентрализации, предполагающей автономию сетевых ячеек.

Анализ показывает, что сетевой принцип деятельности, кроме террористических организаций, широко используют структурные образования киберпреступ-

ности, формирующей внутригрупповые отношения на основе принципа комплементарности: действия одного участника, связанные с решением поставленных перед ним задач, способствуют решению задач другими участниками группы.

В качестве примера можно привести дело по обвинению А. и его супруги З., создавших транснациональную организованную преступную группу, состоящую из восьми лиц, обладающих навыками программирования и имеющих опыт создания вредоносных компьютерных программ. Подбор участников организаторы группы производили в ходе общения в сети «Интернет», при этом для конспирации общение было анонимным. Указывая ложное географическое местоположение, пользователи, находящиеся в разных регионах России, Республики Казахстан и Латвии вошли в контакт, согласовали свои действия и приступили к реализации преступных планов, предложенных им организаторами.

В деятельности данной организованной группы отсутствовали отношения подчинения, хотя имелись организаторы (по сути, только инициаторы преступлений), построившие свои взаимоотношения с членами группы как с равными участниками проекта в соответствии с принципом комплементарности. В данной группе устойчивость обеспечивалась не иерархической структурой, как в классических формах организованной преступности, а партнерством и доверительными отношениями участников. Такие взаимоотношения приводят к устранению традиционных механизмов контроля и санкций к нарушителям, к гибкости и мобильности группы, способной в случае опасности мгновенно раствориться в сети «Интернет».

Очевидна и способность структур, созданных по сетевому принципу, образовывать стратегические альянсы, что демонстрирует в настоящее время в Сирии и Афганистане транснациональная террористическая преступность.

В последнее время исследователи отмечают повышение доли компьютерных преступлений, совершаемых под руководством транснациональных организованных преступных групп (по отчету Интерпола уже в 2012 г. этот показатель достигал 80%) [8, с. 13].

Всё большая связь между киберпреступностью и организованной преступностью признается опасной тенденцией последнего времени [7, с. 45], однако уголовно-правовые нормы российского законодательства не в полной мере учитывают это.

В статьях Главы 28 Уголовного кодекса РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» в качестве квалифицирующего обстоятельства предусмотрено совершение преступлений группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 3 статьи 272 и ч. 2 статьи 273 УК РФ). На наш взгляд, при этом не учитывается, что значительная часть компьютерных преступлений совершается не просто организованными группами, а объединениями таких групп, то есть преступными сообществами. Однако в законе отсутствует специальная норма об ответственности за создание преступного сообщества в сфере компьютерной информации, аналогичная нормам об ответствен-

⁹ Рябцев О.В. Сетевой принцип деятельности организаций закрытого типа в контексте угроз национальной и региональной безопасности России (на примере крымско-татарского национального движения). Автореф. дис. ... канд. политич. наук. Ростов-на Дону, 2008.

ности за создание террористического и экстремистского сообществ, что считается пробелом в законодательстве.

Как справедливо отмечают исследователи, «в связи со сложным экономическим положением нашей страны в ближайшие годы прогнозируется рост преступности, в том числе и групповой преступности, раздел сфер влияния между криминальными структурами. В этой обстановке следует помнить, что любое нарушение закона, незаконное освобождение от уголовной ответственности недопустимо. Задача любого государства, помимо всего прочего, и заключается в том, чтобы каждое виновное лицо было выявлено и наказано» [11, с. 253].

Для обеспечения эффективности уголовно-правовой нормы, регулирующей ответственность за создание преступного сообщества, необходимо расширить рамки данного понятия с учетом новых тенденций в формировании структур организованной преступности и их трансформации от иерархических к сетевым формам. В этих целях можно предложить следующее (рабочее) определение: преступное сообщество — это объединение организованных групп или структурированная организованная группа в составе нескольких лиц (не менее трех), которые объединились по иерархическому принципу (под единым руководством) либо по сетевому принципу (на основе комплементарности) с целью занятия преступной деятельностью.

Выводы и полученные результаты

Социальные системы в настоящее время имеют тенденцию к структурной перестройке от иерархической формы организации к сетевой. Преступность, представляющая собой одну из негативных подсистем общества, развивается одновременно с ним, приспособившая свои структурные характеристики к инновационным процессам, происходящим в обществе. Это

выражается в стихийной перестройке структур организованной преступности и в переходе от иерархических форм к сетевым, получившим наибольшее распространение в террористической и киберпреступности.

Уголовно-правовые меры противодействия преступности нуждаются в разработке новых понятий, соответствующих изменениям в способах формирования организованных групп и сообществ.

Предлагается дополнить Главу 28 УК РФ нормами об ответственности: 1.

- За создание организованной преступной группы (кибергруппы), с целью совершения кибератак (создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ),
- За создание преступного сообщества, имеющего цели совершения преступлений в сфере компьютерной информации, и за участие в таком сообществе,

2. Дополнить понятие преступного сообщества положениями, учитывающими сетевые способы организации преступных сообществ.

Научные проблемы, поднятые в настоящей статье, требуют дальнейшего углубленного исследования, так как сетевые преступные организации (сообщества), стихийно формирующиеся в криминальной среде, еще не были предметом глубокого научного исследования. Исключение составляют работы О. В. Рябцева, касающиеся анализа сетевых принципов деятельности организаций закрытого типа (на примере крымско-татарского национального движения). Однако рамки его исследования ограничены сравнительно узкими региональными проблемами. Назрела необходимость в широкомасштабных исследованиях вопросов трансформации преступных сообществ с использованием статистических и иных материалов и с созданием категориального аппарата, соответствующего современному состоянию организованной преступности в глобальном мире.

Литература

1. Агапов П.В., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы борьбы с лидерами преступной среды России // Безопасность бизнеса. № 5. 2017. С. 35.
2. Борьба с криминальными рынками в России: монография / П.В. Агапов, Л.И. Александрова, К.И. Амирбеков и др.; под общ. ред. В. В. Меркурьева; Академия Генеральной прокуратуры РФ. Науч. изд. М. : Проспект, 2015. С. 21.
3. Василенко Н.В. Принципы сетевых взаимодействий в образовании // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 4. С.183—185.
4. Глазкова Л.В. Особенности квалификации бандитизма // Квалификация преступлений: общие и частные проблемы: Сборник материалов круглого стола. Под редакцией О.Д. Жука. Москва, 2015. С. 211—219.
5. Глазкова Л.В. Понятие и виды организованных преступных групп: системный анализ // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1. с. 27.
6. Кудряшов А.В. Различия понятий «шайка» и «банда» в российском уголовном законодательстве // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9. С. 190.
7. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 24. С. 45.
8. Осипенко А.Л. Организованная преступность в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 3. С. 13.
9. Сальников А.В. Исторический генезис понятий «шайка» и «банда» как разновидностей соучастия особого рода в отечественном законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 101.
10. Сафонов Р.Е. Условия, способствующие бандитизму, и меры его предупреждения // Вестник СевКавГТИ. 2017. 4 (31). С. 189.
11. Толпегин В.Л. Бандитизм. Проблемы квалификации и правоприменительной практики // Актуальные проблемы уголовного права и процесса // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2016. Т. 12. С. 253.
12. Чернов С.А., Дайкер А.О. Современная сетевая организация как альтернатива бюрократической модели управления // УЭКС. 2015. №5 (77) [Электронный ресурс]: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-setevaya-organizatsiya-kak-alternativa-byurokraticheskoy-modeli-upravleniya> (дата обращения: 25.11.2018).

Рецензент: *Запольский Сергей Васильевич*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий сектором ИГН РАН. Москва, Россия.

E-mail: zpmoscow@mail.ru

